

УДК 902(091):7.031(35)

*Т.В. Корниенко***РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ИЗУЧЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, ИДЕОЛОГИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ СООБЩЕСТВ ПЕРЕХОДНОГО К НЕОЛИТУ ВРЕМЕНИ**

Статья посвящена развитию взглядов и подходов в исследовании социальной, духовной и идеологической сфер жизни населения первичных очагов перехода к неолиту в зоне Плодородного полумесяца. Выделяются следующие периоды: 1) начала Робертом Брейдвудом и его коллегами полевых работ, опиравшихся на теоретические разработки Вира Гордона Чайлда и осуществлявшихся в контексте становления функционалистского и процессуального направлений; 2) формирования психо- и социо-культурных подходов, в частности теории Жака Ковэна о «неолитической революции символов», при взаимодействии с идеями пост-процессуальной археологии; 3) с расширением применяемых методов и методик исследований, а также увеличение изученных памятников и областей на современном этапе, уточнением ранее выдвигавшихся теоретических положений и появление новых перспективных разработок в изучении ментальных, духовных и социально-идеологических трансформаций ранне-неолитических коллективов.

Ключевые слова: Плодородный полумесяц, процесс неолитизации, символические системы, социально-идеологические трансформации, история исследований.

Переднеазиатская археология последних десятилетий столкнулась с открытиями в Леванте и Северной Месопотамии взаимодействовавших между собой архитектурно и скульптурно оформленных, культовых центров общественного назначения, а также других сложных, символически оформленных, комплексов эпохи эппалеолита и раннего неолита. Данные материалы свидетельствуют о высокой развитости символического сознания людей задолго до утверждения производящего хозяйства и городских структур. Сегодня исследование социокультурных трансформаций становится одним из важнейших направлений в изучении процесса неолитизации территории Передней Азии. Цель настоящей статьи – рассмотреть историю развития взглядов и подходов в исследовании социальной, духовной и идеологической сфер жизни населения первичных очагов перехода к неолиту в зоне Плодородного полумесяца.

Еще с сер. XX в. в ходе исследований так называемых «холмистых флангов» Плодородного полумесяца, инициированных Робертом Брейдвудом и его коллегами для изучения подробностей происхождения «неолитической революции», начал активно применяться междисциплинарный подход. Сам Вир Гордон Чайлд, автор концепции о «неолитической революции» на Ближнем Востоке, оказавшей влияние на становление европейской цивилизации, в своих теоретических построениях [14] изначально представлял неолит в связи со сложным комплексом технологических и социальных достижений; видел неолитические общества экономически «самодостаточными» и эффективными «коллективами», «сотовариществами», имевшими «эгалитарный» характер. При этом Чайлд не верил в существование «неолитической религии», а также в возможность существования некой общей «неолитической культуры». Он писал о «бесконечном множестве неолитических культур» [6. С. 90-101].

Тем не менее, уже раскопки Кетлин Кеньон Телль эс-Султана (библейское название этого пункта – Иерихон) на территории Палестины в 1952–1961 гг. открыли не только сенсационные, не фиксировавшиеся до того времени, слои докерамического неолита, но выявили также в этих уровнях высокую степень сплоченности больших коллективов и выразительные объекты символического содержания – моделированные черепа, полнофигурные статуи, архитектуру общественного назначения [24]. На момент открытия их было сложно объяснить и с чем-то сопоставить. Почти одновременно с этими событиями в ближневосточной археологии значительный резонанс получили проводившиеся на территории Малой Азии Джеймсом Меллартом исследования Хаджилара (1957–1960) и Чаталхёюка (1961–1965), которые впервые дали информацию о поселенческой структуре, удивительном искусстве и сложной системе символов неолитических сообществ Западной и Центральной Анатолии [7; 28].

Заметное расширение археологических работ в зоне Плодородного полумесяца происходит 1970-е гг. В это же время экспедиция Института археологии АН СССР включается в исследования раннеземледельческих культур на территории Джезиры. Для изучения предполагаемых первичных

очагов распространения неолитизации на Ближнем Востоке основное внимание тогда по-прежнему было направлено на «холмистые фланги» Плодородного полумесяца – области Леванта и Загроса. При выяснении истоков сложения древнейших сельскохозяйственных общин акцент делался, главным образом, на изучении экологических и демографических факторов, сработавших, как полагал еще В.Г. Чайлд, в качестве основных катализаторов неолитической революции. Данный подход проявился и в исследованиях Льюиса Бинфорда, Франка Хола, Кента Флэннери, других ученых, создававших при опоре на этноархеологию, естественнонаучные и статистические методы в рамках функционалистского и процессуального направления так называемую Новую археологию. Исключением, как отмечает Колин Ренфрю [38. Р. 172], стала тогда статья 1978 г. Барбары Бендер, высказавшей мысль о том, что на зарождение сельского хозяйства решающее влияние оказали социальные процессы, запущенные в переходящих к оседлости обществах охотников и собирателей Юго-Восточной Азии позднелепесточной и пост-лепесточной эпохи. В частности, обострившаяся конкуренция между местными группами, которые пытались добиться господства над своими соседями, организуя грандиозные пиры и другие масштабные ритуальные действия, а также осуществляя обмен, приводила к необходимости увеличить ресурсный прожиточный минимум, соответственно, к интенсификации в использовании земель и развитии производства продуктов питания [11].

С 1980–90-х гг., на фоне активно пропагандируемого пост-процессуального направления, в археологии Передней Азии переходного к неолиту периода постепенно психо- и социо-культурный подходы в изучении символических объектов и систем выдвигаются на передний план. В 1987 г. Жак Ковэн опубликовал статью [12], где обращает внимание на то, что он назвал "появлением первых богов" на Ближнем Востоке, а также на значительную роль, которую сыграли новые идеологические структуры, в том числе религиозные верования в процессе возникновения первых сельскохозяйственных обществ в переходный к неолиту период. Как отмечает сам автор, так называемая «символическая» или «контекстная» археология¹, разрабатываемая с 1982 г. Яном Ходдером², в определенной степени подготовила почву для оформления его взглядов в концепцию «неолитической революции символов» [13. Р. 164], что наиболее полно было представлено Ж.Ковэном в книге «Рождение божеств. Происхождение земледелия. Революция символов в эпоху неолита» [13]. В свою очередь Я. Ходдер отмечает влияние высказанных в статье 1987 г. мыслей Ж. Ковэна на новое понимание им процессов неолитизации Европы [21]. Как представляется, не случайно первая публикация «археологических индикаторов ритуала» К. Ренфрю и П. Бана в работе «Археология: теории, методы и практика» [37. Р. 359-360], а также выход коллективной монографии «Древний разум. Элементы когнитивной археологии» [45] относятся к тому же времени.

Ведущую роль в процессе неолитизации концепция «неолитической революции символов» Ж. Ковэна отводит духовным и социально-идеологическим факторам. По мнению автора, неолитическая революция, прежде всего, явилась результатом когнитивного развития, «ментальной мутации» общества, что отразилось в символических объектах и искусстве того времени. Имея серьезный опыт полевых исследований эппалеолитических и ранне неолитических памятников Леванта, Ж. Ковэн особое внимание уделил Восточному Средиземноморью, определяя этот регион первоначальным центром распространения неолитического образа жизни. Стоит иметь в виду, что к тому времени полевые исследования центральной части и восточного крыла Плодородного полумесяца проводились в значительно меньшем объеме. На левантских материалах создатель концепции «неолитической революции символов» отмечает переходную от Натуфа к PPNA фазу Хиам, как этап зарождения культа Великой Богини и Быка — основных элементов символической и религиозной системы, которая станет актуальной, распространяясь на Ближнем Востоке и соседних территориях, на протяжении тысячелетий вплоть до становления древневосточных и эгейской цивилизаций. В хиамский период появляются женские статуэтки, сделанные из камня и обожженной глины, фиксируется сложение традиции размещения рогов быка в основаниях стен или под полами построек. Поскольку, как отмечает автор, в слоях комплексов Хиаме нет зерен злаков с морфологическими признаками доместики, то можно заключить, что перемены в идеологии начинаются раньше перемен экономических. В данном случае не идеи следуют за практикой, как писал К. Маркс, а наоборот — идеи опережают практику [13. Р. 277]. Ж. Ковэн выделяет этапы в развитии общественного сознания и символи-

¹ Также известна как пост-процессуальная археология.

² См., напр.: [17-20; 46].

ческих систем с характерными для каждого из этих этапов особенностями, фиксируемыми в материальной культуре, в том числе отмечает постепенную гуманизацию (антропоморфизация) искусства, в разные периоды эпохи докерамического неолита.

Исследования к XX – нач. XXI вв. эппалеолитических и раннеолитических памятников Передней Азии³ подтверждают актуальность термина «революция символов», введенного Ж. Ковэном для изучения ближневосточного процесса неолитизации. Вместе с тем проводящиеся сейчас работы вносят уточнения и заставляют пересмотреть ряд сложившихся представлений, в том числе об особенностях экономического и социокультурного развития различных областей Плодородного полумесяца в эпоху перехода к неолиту [2]. В частности, левантоцентристская гипотеза Ж.Ковена в отношении распространения неолитического образа жизни на Ближнем Востоке вызывает сомнения в связи с результатами современных исследований на территории Юго-Восточной Турции и Северо-Западного Ирана. Исследования трасологов [5] и палеоботаников [42; 39; 55] фиксируют следы ранних этапов процесса доместикации уже в натуфийской и сопоставимых с ней других эппалеолитических культурах различных областей зоны Плодородного полумесяца (включая центральную и восточную), которые функционировали еще до хиамского времени. Тезис о доминировании женских изображений среди антропоморфов эппалеолита и раннего неолита совсем не однозначен в применении к материалам различных областей Передней Азии. Доминирование зоо- и антропоморфных мужских образов и символов над женскими; наличие, помимо изображений быка/козла/барана, многочисленных изображений змей, птиц; таких животных, как кошачьи хищники, кабаны и лисы, символически ярко выражающих мужскую силу, отличает северомесопотамский и в ряде случаев – анатолийский регион от сиро-палестинского эпохи становления производящего хозяйства [40; 41; 22; 23 и др.].

В отзыве на книгу Я. Ходдера с соавторами «Религия в возникновении цивилизации: на примере Чаталхёюка» [35], подчеркивая важность этого памятника Центральной Анатолии и продолжающихся там сейчас раскопок, Л. С. Клейн замечает: «реконструкция ментальности – современное увлечение археологов» [1. С. 723]. В частности: современные исследователи Чаталхёюка ставят перед собой соответствующие вопросы, как археолог может распознать религиозное, духовное и трансцендентное в раннее время? Были ли изменения в духовной жизни и религиозном ритуале необходимой прелюдией к социально-экономическим изменениям, ведущим к установлению цивилизации? Занимал ли человек центральное место в духовной жизни раннего голоцена и ведет ли это к новой концепции человеческой деятельности, которая имеет результатом доместикацию? Являлись ли насилие и смерть фокусом трансцендентного религиозного опыта в переходе от раннего голоцена на Ближнем Востоке и были ли эти темы центральными для социальной жизни? [35]. В книге «Религия в возникновении цивилизации: на примере Чаталхёюка» статьи со своими размышлениями по данным проблемам представили археологи, культурные антропологи и теологи. Лев Самуилович критически отзывается о характере постпроцессуалистского дискурса целом: «для него типично свободное разглагольствование без четкого структурирования, без жесткой методики, с заменой дефиниций метафорами, а профессионализма философией»; и также о неудачном в рецензируемом сборнике подборе наук для междисциплинарного исследования религии [1. С. 726]. Автор рецензии отмечает необходимость выработки общего терминологического аппарата для специалистов разных направлений в случае совместного ими рассмотрения таких явлений, как «магия», «суеверие», «религия». Далее Л. С. Клейн включается в дискуссию о погребальных обрядах и представлениях о смерти чаталхёюков, заключая, что распространение ряда устойчивых элементов этой традиции из Малой Азии на Балканский полуостров и затем в степи может говорить о культурной, а не обязательно об этнической преемственности [1. С. 726-728].

Тревор Уоткинс, внесший значительный вклад в ближневосточную археологию, в том числе в изучение формирования коллективных представлений, «доместикации» человека и «доместикации» им времени и пространства на этапе перехода к неолитическому образу жизни [49-52; 54], призывает особое внимание обратить на недавно появившуюся в среде биологов эволюционную теорию конструирования экологических ниш. Первая монография на эту тему вышла в 2003 г. [30]. Одним из ответов данного учения стала теория о конструировании когнитивно-культурных ниш [16; 9; 36].

³ Среди них можно назвать Айн Гхасал, Ифтахель, Кфар Хахореш, Джерф эль-Ахмар, Телль Абр 3, Телль Асвад, Джада эль-Магхара, Чайоню Тепеси, Невали Чори, Гёбекли Тепе, Телль Карамель, Кёртык Тепе, Халлан-Чеми, Немрик 9, Кермез Дер и др.

По мнению Уоткинса, объединение возможностей ряда современных эволюционных теорий с доступными археологическими свидетельствами эпохи эппалеолита и неолита Юго-Западной Азии посредством создания междисциплинарных исследовательских коллективов должно положить начало новому, более глубокому пониманию процессов неолитизации [53. Р. 6-8; 43].

В настоящее время активно продолжается обсуждение вопросов интерпретации символов и символических систем, действовавших в зоне Плодородного полумесяца со временем распространявшихся на соседние территории; выявления основных концептов общественного сознания переходной к неолиту эпохи; поиска причин и истоков данных процессов [47; 48; 40; 41; 23; 15; 44; 53; 31; 29; 3; 4 и др.]. Осуществляются разработки специальных методов и подходов, их апробация для изучения символических объектов и систем, идеологии и общественного сознания сообществ Передней Азии эпохи перехода к неолиту. В последние годы увидели свет результаты таких исследований с применением мульти-сенсуалистического [27]; психосоциального [10], социо-символического [8] и иконографического [31] анализа. Первые из названных работ в значительной степени посвящены изучению отражения социально-идеологических реалий в архитектуре, скульптуре, других символических объектах с применением феноменологического подхода, знаний из нейробиологии, социальной и эволюционной психологии. Рассматриваются контекст, частотность, содержание и способ создания изобразительных мотивов, а также свойства материалов, из которых изучаемые объекты были сделаны, при реконструкции их физического и эмоционального восприятия людьми переходной к неолиту эпохи. В ходе проведения иконографического анализа Эстель Оррелль использует междисциплинарный подход, сочетающий достижения археологии, антропологии и истории, для проверки весьма интересной теории трансформации модели «женских косметических коалиций»⁴ на материале антропоморфных изображений Южного Леванта от эпохи Натуф до развитого неолита [31. Р. 13-17].

Данные работы, несомненно, расширяют интерпретационные возможности в изучении символических объектов переходного времени к неолитическому образу жизни. Вместе с тем, как показал подробный разбор одной из вышеотмеченных статей [10], перспективы подобных исследований будут зависеть не только от выбора конкретных методик и тщательности при анализе базы данных символических объектов, но также обязательного привлечения результатов работ с иными категориями материалов, в том числе, находящимися в ведении палеоклиматологов, палеоботаников, палеозоологов, палеоантропологов и представителей других дисциплин [3]. Привлечение как можно большего арсенала источников с использованием различных методов и подходов для их изучения, последующая перепроверка имеющихся результатов методом верификации должны повысить вероятность объективного проведения исследований и точности в выводах относительно развития и взаимовлияния реальной и символической картин мира конкретных доисторических сообществ Передней Азии. Возможности для проведения такого рода исследований на сегодняшний день есть благодаря непрекращающемуся плодотворному сотрудничеству специалистов разных наук и разных научных центров.

Таким образом, начатые в середине прошлого века работы по изучению зоны Плодородного полумесяца и соседних территорий переходного к неолиту времени продвинулись далеко вперед, в частности в вопросах исследования символических объектов, идеологии и общественного сознания той эпохи. В стратегическом отношении намеченные Р. Брейвудом, Х. Чамбел и их коллегами подходы: комплексность проводимых работ, междисциплинарность и международное сотрудничество — остаются широко востребованными и в современных условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клейн Л. С. Коллектив Ходдера о религии в раннем неолите (Hodder I. (ed.). Religion in the emergence of civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 373 p.) // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2.
2. Корниенко Т. В. Концепция «революции символов» Жака Ковена двадцать лет спустя // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 1.

⁴The theory of Female Cosmetic Coalitions (FCC) — одна из разрабатываемых в последние десятилетия эволюционными антропологами, социобиологами и археологами теорий происхождения искусства, ритуала и символической культуры [25; 26; 32; 33; 34]. Причиной поведенческих изменений в человеческих коллективах на разных этапах доистории она предполагает наличие противоречащих друг другу мужской и женской репродуктивных стратегий. Согласно этой теории, двигателем революционных социальных изменений, приведших к началу использования символов в обществах охотников и собирателей, стали женские репродуктивные интересы.

3. Корниенко Т. В. О возможностях применения психосоциального подхода в изучении доисторических сообществ (на примере исследований символических систем Северной Месопотамии эпохи раннего неолита) // Археологические вести. 2015. № 21.
4. Корниенко Т. В. Профанный и сакральный контекст жилищ Северной Месопотамии на этапе становления неолита // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2016. № 1.
5. Коробкова Г. Ф. Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке // Археологические вести. 1994. № 3.
6. Ламберг-Карловский К. В. Гордон Чайлд и концепция революции // ВДИ. 1993. № 4.
7. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
8. Atakuman Ç. Architectural Discourse and Social Transformation During the Early Neolithic of Southeast Anatolia // Journal of World Prehistory. 2014. № 27.
9. Bardone E., Magnani L. Sharing Representations Through Cognitive Niche Construction // Data Science Journal. 2007. Vol. 6.
10. Benz M., Bauer J. Symbols of power – Symbols of crisis? A Psycho-social approach to Early Neolithic symbol systems // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2013. № 2.
11. Bender B. Gatherer-hunter to farmer a social perspective // World Archaeology. 1978. Vol. 10/2.
12. Cauvin J. L'apparition des premières divinités // La Recherche. 1987. № 194.
13. Cauvin J. Naissance des divinités. Naissance de L'agriculture: la révolution des symboles au Néolithique. Paris, 1994.
14. Childe V.G. Man Makes Himself. New York, 1951.
15. Dietrich O., Heun M., Notroff J., Schmidt K., Zarnkow M. The role of cult and feasting in the emergence of Neolithic communities. New evidence from Göbekli Tepe, south-eastern Turkey // Antiquity. 2012. Vol. 86.
16. Clark A. Language, embodiment, and the cognitive niche // Trends in Cognitive Sciences. 2006. Vol. 10(8).
17. Hodder I. Symbols in action. Ethnoarchaeological Studies of Material Culture. Cambridge, 1982.
18. Hodder I. Theoretical archaeology: a reactionary view // Symbolic and structural archaeology / Ed. I. Hodder. Cambridge, 1982.
19. Hodder I. Post-processual archaeology // Advances in Archaeological Method and Theory. 1985. Vol. 8.
20. Hodder I. Reading the past: current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge and New York, 1986.
21. Hodder I. The Domestication of Europe: Structure and Contingency in Neolithic Societies. Oxford, 1990.
22. Hodder I. The Leopard's Tale: Revealing the Mysteries of Çatalhöyük. London, 2006.
23. Hodder I., Meskell L. A 'Curious and Sometimes a Trifle Macabre Artistry': Some Aspects of Symbolism in Neolithic Turkey // Current Anthropology. 2011. Vol. 52/2.
24. Kenyon K. Excavations at Jericho III, The Architecture and Stratigraphy of the Tell. Text. London, 1981.
25. Knight C. Menstruation and the origins of culture. A reconsideration of Lévi-Strauss's work on symbolism and myth. PhD thesis. London, 1987.
26. Knight C. Blood Relations: Menstruation and the Origins of Culture. New Haven and London, 1995.
27. McBride A. Performance and Participation: Multi-Sensual Analysis of Near Eastern Pre-Pottery Neolithic Non-Domestic Architecture // Paléorient. 2013. Vol. 39/2.
28. Mellaart J. The Neolithic Near East. London, 1975.
29. Notroff J., Dietrich O. A sanctuary, or so fair a house? In defense of an archaeology of cult at Pre-Pottery Neolithic Göbekli Tepe // Defining the Sacred: Approaches to the Archaeology of Religion in the Near East. Oxford, 2015.
30. Odling-Smee F.J., Laland K.N., Feldman M.W. Niche Construction: the neglected process in evolution. Princeton (N.J.), 2003.
31. Orrelle E. Material Images of Humans from the Natufian to Pottery Neolithic Periods in the Levant. BAR International Series 2595. Oxford, 2014.
32. Power C. Women in Prehistoric art // New Perspectives on Prehistoric Art. Westport, Connecticut and London, 2004.
33. Power C., Watts I. Female strategies and collective behaviour: the archaeology of earliest Homo sapiens sapiens // The Archaeology of Human Ancestry: Power, Sex and Tradition. London, 1996.
34. Power C., Sommer V., Watts I. The Seasonality Thermostat: Female Reproductive Synchrony and Male Behavior in Monkeys, Neanderthals, and Modern Humans // PaleoAnthropology. 2013. doi:10.4207/PA.2013.ART79
35. Religion in the emergence of civilization: Çatalhöyük as a Case Study / Ed. I. Hodder. Cambridge, 2010.
36. Pinker S. The cognitive niche: Coevolution of intelligence, sociality, and language // Proceedings of the National Academy of Sciences, USA. 2010. Vol. 107 (Supplement 2).
37. Renfrew A.C., Bahn P.G. Archaeology: Theories, Methods and Practice. London, 1991.
38. Renfrew C., Cauvin J. 1994. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture: la révolution des symboles au Néolithique // Paléorient. 1994. Vol. 20/2.
39. Riehl S., Benz M., Conard N.J., Zeidi-Kulehparcheh M., Darabi H., Nashli H.F., Deckers K. Plant use in three Pre-Pottery Neolithic sites of the Northern and Eastern Fertile Crescent: a preliminary report // Vegetation History and Archaeobotany. 2012. № 21 (2).
40. Schmidt K. Siebauten die ersten Tempel: das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger: die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München, 2006. (В переводе на рус. Яз.: Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб, 2011).

41. *Schmidt K.* Göbekli Tepe // The Neolithic in Turkey. The Euphrates basin. Istanbul, 2011.
42. *Savard M., Nesbitt M., Jones M.K.* The role of wild grasses in subsistence and sedentism: new evidence from the northern Fertile Crescent // *World Archaeology*. 2006. Vol. 38/2.
43. *Sterelny K., Watkins T.* Neolithization in Southwest Asia in a Context of Niche Construction Theory // *Cambridge Archaeological Journal*. 2015. Vol. 25/3.
44. Symbols at 'Ain Ghazal. Excavation Reports 3 / Ed. D Schmandt-Besserat. Berlin, 2013.
45. The Ancient Mind. Elements of Cognitive Archaeology / Eds C. Renfrew, E. B. W. Zubrow. Cambridge, 1994.
46. The Archaeology of Contextual Meanings / Ed. I. Hodder. Cambridge, 1987.
47. *Verhoeven M.* Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia // *Cambridge Archaeology Journal*. 2002. Vol. 12/2.
48. Verhoeven M. Transformations of Society: the Changing Role of Ritual and Symbolism in the PPNB and the PN in the Levant, Syria and South-East Anatolia // *Paléorient*. 2002. Vol. 28/1.
49. *Watkins T.* Architecture and 'theatres of memory' in the Neolithic South West Asia // *Rethinking Materiality: The Engagement of Mind with the Material World*. Cambridge, 2004.
50. *Watkins T.* Building houses, framing concepts, constructing worlds. // *Paléorient*. 2004. Vol. 30/1.
51. *Watkins T.* Architecture and the symbolic construction of new worlds // *Domesticating Space: Construction, community, and cosmology in the late prehistoric Near East*. Berlin, 2006.
52. *Watkins T.* Household, community and social landscape: building and maintaining social memory in the early Neolithic of southwest Asia // 'As Time Goes By': Monuments, Landscapes and the Temporal Perspective. Socio-environmental dynamics over the last 12,000 years. Bonn, 2012.
53. *Watkins T.* Neolithisation Needs Evolution, as Evolution Needs Neolithisation // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2013. № 2.
54. *Watkins T.* Ritual performance and religion in early Neolithic societies // *Defining the Sacred: Approaches to the Archaeology of Religion in the Near East*. Oxford, 2015.
55. *Willcox G.* The Roots of Cultivation in Southwestern Asia // *Science*. 2013. Vol. 341. № 6141.

Поступила в редакцию 5.05.17

T.V. Kornienko

DEVELOPMENT OF VIEWS ON THE STUDY OF SYMBOLIC OBJECTS, IDEOLOGY AND PUBLIC CONSCIOUSNESS OF SOUTHWEST ASIAN COMMUNITIES IN TRANSITION TO THE NEOLITHIC

This paper examines the development of views and approaches in the study of social, spiritual and ideological life of the population of primary centers of transition to the Neolithic in the Fertile Crescent. The following periods are determined: 1) fieldwork started by Robert Braidwood and his colleagues, based on theoretical insights of Vere Gordon Childe and carried out in the context of formation of functional and processual theories; 2) formation of psycho- and socio-cultural approaches, in particular Jacques Cowen's theory of the "Neolithic revolution of symbols", in interaction with the ideas of post-processual archeology; 3) expansion of applied methods and research approaches, as well as an increased number of the studied monuments and areas at the present stage, clarification of previously proposed theoretical positions and emergence of new promising developments in the study of mental, spiritual and socio-ideological transformations of early Neolithic communities.

Keywords: Fertile Crescent, neolithisation, symbolic systems, socio-ideological transformations, history of research.

Корниенко Татьяна Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры зарубежной истории
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
педагогический университет»
394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86
E-mail: zigzina@rambler.ru

Kornienko T.V.,
Candidate of History, Associate Professor
at the Department of International History
Voronezh State Pedagogical University
Lenina st. 86, Voronezh, Russia, 394043
E-mail: zigzina@rambler.ru